

нее как качественным содержанием юридического критерия, так и юридическими последствиями для лиц, признанных уменьшенно вменяемыми: совершение лицом с психическим расстройством общественно опасного деяния в состоянии уменьшенной вменяемости не освобождает его от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 29 УК) и может учитываться при назначении наказания или иных мер уголовной ответственности, а также служить основанием для применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения (ч. 2 ст. 29 УК). Соответственно, в юридических последствиях для лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, можно выделить две составляющие, отличающие их от лиц, признанных невменяемыми: быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания.

Судебно-психиатрическая комиссия в процессе освидетельствования подэкспертного устанавливает наличие этих двух критериев ретроспективно и соотносит их с моментом совершения общественно опасного деяния. Суду для признания лица невменяемым или уменьшенно вменяемым достаточно наличие одного из признаков (интеллектуального или волевого) юридического критерия в сочетании с медицинским критерием.

Поскольку в формулах невменяемости и уменьшенной вменяемости условно выделяют два критерия – медицинский и юридический, то алгоритм построения вопросов, подлежащих рассмотрению при проведении СПЭ в отношении подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе, достаточно прост: у экспертов последовательно уточняются медицинский и юридический критерии формулы невменяемости или формулы уменьшенной вменяемости в трех временных периодах – прошедшем, настоящем и будущем.

Первый вопрос уточняет медицинский критерий формулы невменяемости (уменьшенной вменяемости), поскольку поводом (формальным основанием) для назначения СПЭ является сомнение у лица (органа), назначившего экспертизу, в состоянии психического здоровья подэкспертного. Как правило, он ставится в прошедшем времени, так как лицо (орган), назначившее экспертизу, интересуется психическим состоянием подэкспертного в момент совершения им юридически значимого деяния: страдал ли подэкспертный в период времени, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния, каким-либо психическим расстройством?

Состояние невменяемости возникает лишь при такой тяжести психического расстройства (заболевания), которое лишает человека возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, а в случае уменьшенной вменяемости лицо не могло в полной мере сознавать (интеллектуальный признак) и (или) не могло в полной мере руководить ими (волевой при-

знак). В связи с этим далее последовательно уточняется юридический критерий (интеллектуальный и волевой признаки), поскольку именно он является определяющим и применимым ко всем без исключения формам болезненных расстройств психики при оценке их тяжести: мог ли подэкспертный сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими; мог ли подэкспертный в полной мере сознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими?

После этого последовательно уточняются оба критерия в настоящем времени (актуальное психическое состояние подэкспертного по принципу «здесь и сейчас»): страдает ли подэкспертный в настоящее время психическим расстройством; может ли подэкспертный сознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими?

Затем ставятся вопросы в будущем времени (как изменится состояние его психического здоровья, какой дальнейший прогноз, нуждается ли он в применении принудительных мер безопасности и лечения): нуждается ли подэкспертный в применении принудительных мер безопасности и лечения, если да, то в каких именно; может ли подэкспертный самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе? Разрешение последнего вопроса возможно только в отношении лиц, являвшихся в период времени, относящийся к совершению инкриминируемых им деяний, совершеннолетними.

Могут быть также поставлены вопросы по определению психических расстройств (заболеваний), нарушающих способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания, т. е. расстройства (заболевания), которые могут затрагивать способности подэкспертного к реализации процессуальных прав и обязанностей. Однако алгоритм постановки вопроса (уточняются медицинский и юридический критерии формул) остается прежним.

УДК 343.123.1

Ю.С. Климович

О СРОКАХ СЛЕДСТВИЯ ПРИ СОЕДИНЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОДНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Предварительное следствие, как и в целом досудебное производство в уголовном процессе Республики Беларусь, имеет жесткую привязку к определенным в законе срокам. Однако специалистам известно, что так было не всегда.

В процессуальных системах, построенных по континентальному образцу, к коим принадлежит и отечественный уголовный процесс, изначально предварительное следствие в значительной мере не только копировало архитектуру следствия судебного, но и реализовывалось должностными лицами, имеющими судебный статус (судебный следователь). По этой причине оно в отличие от дознания по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. не имело временных ограничений. Все изменилось с началом советского периода, когда следователи, потеряв судебское звание, были встроены в иерархическую систему правоохранительных органов, где институт процессуальных сроков во многом стал выполнять дисциплинирующую внутриведомственную роль. С тех пор нарушение сроков следствия стало «традиционным нарушением», фигурирующим в надзорной практике и отчетности органов ведомственного контроля. Причина тому не только служебная непунктуальность должностных лиц следственных органов, но и ряд объективных недостатков действующего закона в области регулирования процессуальных сроков.

Так, в текущем году на кафедре уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь обратились сотрудники одного из управлений Следственного комитета с запросом о порядке исчисления сроков при соединении уголовных дел в одном производстве. Согласно обращению уголовное дело № 1 было возбуждено 10 января и расследовалось с продлением срока на шесть месяцев до 10 июля. Уголовное дело № 2 было возбуждено 10 марта, а срок следствия по нему был также продлен до шести месяцев, т. е. до 10 сентября. Следователь, установив основания для соединения этих уголовных дел в одном производстве, принял об этом решение 10 июля. При этом по поводу исчисления процессуальных сроков появились несколько альтернативных точек зрения. Одни считали, что с учетом того, что срок следствия по одному из уголовных дел был в надлежащем порядке продлен до 10 сентября, то принятия дополнительного решения о продлении сроков в случае соединении дел в одном производстве не требуется. Другие исходили из того, что после соединения уголовных дел № 1 и № 2 нужно было в тот же день продлить срок следствия по уголовному делу, так как необходимое сложение сроков следствия согласно ч. 3 ст. 164 УПК дало их превышение ранее продленному сроку до шести месяцев.

Обозначенные в обращении проблемы правоприменения во многом обусловлены неоднозначной конструкцией действующего уголовно-процессуального закона. Вместо понятных правил исчисления процессуальных сроков мы имеем противоречивое как по форме, так и по содержанию нормативное регулирование. Это вынуждает правоприменителей отвлекаться на решение по сути формальных вопросов, реально никак не отражающихся на обеспечении прав и законных интересов граждан.

Следует отметить, что, во-первых, зафиксированное в ч. 3 ст. 164 УПК правило о необходимости при соединении в одном производстве нескольких уголовных дел суммировать все календарное время, фактически затраченное на их производство, в большинстве случаев будет создавать условия для автоматического их нарушения. В случае продления срока следствия следователь обязан составить об этом мотивированное постановление о возбуждении ходатайства и представить его соответствующему начальнику следственного подразделения или его заместителю не позднее трех суток до истечения срока следствия (ч. 6 ст. 190 УПК). До момента соединения уголовных дел оснований к этому еще нет, а после соединения появляется риск нарушить ранее указанную норму.

Во-вторых, в принципе не понятна логика законодателя об обязательности суммирования сроков следствия при соединении разных уголовных дел. Ведь с античности известна связываемая с Аристотелем интуиция о том, что целое всегда больше суммы своих частей. Объединенное уголовное дело очевидно потребует переформулирования обвинения, изменения предмета и пределов доказывания, а также многих других действий, которые бы следователь не совершал, расследуя уголовные дела автономно.

На наш взгляд, в ч. 4 ст. 153 УПК Российской Федерации действует более рациональная норма. Она предполагает, что «при соединении уголовных дел срок производства по ним определяется по уголовному делу, имеющему наиболее длительный срок предварительного расследования. При этом срок производства по остальным уголовным делам поглощается наиболее длительным сроком и дополнительно не учитывается». Полагаем, что в аналогичном ключе следует изменить редакцию ч. 3 ст. 164 УПК Республики Беларусь.

УДК 343.132

В.М. Логвин

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Под освидетельствованием принято понимать следственное действие, проводимое компетентными должностными лицами, суть которого состоит в осмотре тела подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов, особых примет, которые могут располагаться на теле живого лица, а равно установление